

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

ПЕТР БИЦИЛЛИ И ЕВРАЗИЙСТВО

Дарина Григорова

«Чтобы спасти душу, надо погубить ее» — такой парадоксальной сентенцией П.М. Бицилли раскрывает будущее русской культуры — души нации, чья гибель «служит залогом мирового Возрождения»¹, в этом суть исторической миссии России. Чувство трагичности и катастрофичности не покидает русскую эмиграцию после 1917 года, когда она теряет свою родину не только физически, но и исторически. Атмосферу «катастрофического мироощущения» описывает и Н.С. Трубецкой в самом начале организации евразийского движения в 20-е годы: «В катастрофическом происходящем мы видим знание назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры»². *Эсхатологические предчувствия*, характерные для русского идеализма начала XX-го века, являются первой общей чертой между П.М. Бицилли и евразийцами.

«Болгарская судьба»³ П.М. Бицилли и болгарское начало евразийства — выход в свет сборника «Исход к востоку» в Софии (1921 г.) — связывают русского историка с единственным оригинальным послереволюционным эмигрантским направлением. Будучи одним из авторов первого евразийского издания, П.М. Бицилли принимает личное участие в первом — самом оригинальном — периоде евразийства, когда рождается его историософия.

В идейной жизни евразийства выделяются три внутренние этапа. Подобное деление дает и Марлен Ларюель⁴. Совпадение, однако, лишь хронологическое, причем оно упрочивается географическим маршрутом евразийцев в Европе: София — Прага — Париж и Берлин. Истинное евразийство формируется задолго до официального издания первого сборника в 1921 году в Софии и продолжается до конца первого периода, т.е. до 1925 года, после чего евразийство не просто политизируется, оно обезличивается.

Первый этап — этап «раннего», или «истинного», евразийства, начинается с официального создания движения в 1921 году, когда в Софии выходит в свет сборник «Исход к востоку», до 1925 года. Тогда, наряду с заимствованием идей XIX века, рождаются и оригинальные идеи.

Генезис евразийства, однако, обнаруживаем значительно ранее этого первого этапа и хронологически его можно поставить после Первой русской

революции 1905–1907 годов и до Февральской и Октябрьской революций в 1917 году. В письме Р.О. Якобсону (февраля 1921 г.) Н.С. Трубецкой делится с ним, что он обдумывал евразийские идеи еще до 1917 года. Н.С. Трубецкой считал, что евразийство «носится в воздухе», он чувствовал его «и в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина и в «Пути России» Бунакова-Фондаминского, в то же время в разговорах некоторых крайних правых и даже одного заядлого кадета»⁵. П.Н. Савицкий тоже признает, что он оформляет свою географическую или геософскую доктрину еще в 1910 году, задолго до организации евразийского движения⁶. Евразийство вывезено из России, оно не создано в эмиграции. В эмиграции организовано движение, а позднее — и партия, генезис евразийства, однако, остается в дореволюционной России.

Второй внутренний этап — с 1926-го по 1928 год, когда евразийство проходит под сенью Лубянки, с одной стороны, а с другой — из идейного направления оно превращается в организацию декларативного характера. С 1926 года евразийство начинает терять свою историософскую силу и политизируется «влево».

Третий внутренний этап — с конца 20-х до конца 30-х годов: для него характерны постепенное советизирование евразийства и его вытеснение из культурно-философских тем к экономическим и политическим проблемам.

Вторая общая черта между П.М. Бицилли и евразийством — это *отношение к термину «Евразия»* как неотделимому от России: «Россия есть «Евр-азия», т.е. как-то органично входит и в Европу, различие между Россией как Европой, и остальным европейским миром может быть только относительным»⁷. Не будучи последователем евразийства П. М. Бицилли определяет его как «признание некоторого бесспорного и исключительно важного факта: Россия, т. е. Российская империя, есть Евразия и всегда была Евразией»⁸.

Однако, если для евразийцев понятие «Евразия» должно заменить термины «Восток» и «Запад» с культурно-философской, геополитической и географической точек зрения, чтобы отделить Россию от Европы, то для П.М. Бицилли это понятие, наоборот, их объединяет: «отрыв «Евразии» от «Европы» в культурном отношении, как и в хозяйственном, скорее всего временное явление, а между тем евразийцы изображают его, как некоторую идеальную цель, к которой якобы, не взирая на людские заблуждения («утрата евразийского чутья»), географическое провидение направляло ход русской истории, и притом — как цель конечную»⁹.

Третья общая черта между П.М. Бицилли и евразийством — это *отношение к русской нации*. Для П.М. Бицилли русская нация больше великорусской: «русская нация и пространственно и духовно есть нечто неизмеримо более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат — великорусская народность», она евразийская: «сообщила «евразийской» нации свою индивидуальность»¹⁰.

В понимании Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина и П.П. Сувчинского евразийство разрешит русский национальный вопрос — через Евразию утвердится русская нация. В отличие от П.М. Бицилли, они принимают понятие «российская» нация, чтобы сочетать «русское» (национальное) и «евразийское» (сверхнациональное, имперское). «Российский национализм»¹¹ Н.С. Трубецкого отличает евразийство от русского шовинизма. Для П.Н. Савицкого «российское» и «евразийское» — синонимы «сверхнационального»: «мы заключаем в имя «Евразия» некоторую сжатую культурно-историческую характеристику того мира, который иначе называем «российским»¹².

Однако, если для евразийцев русская нация не славянская, а туранская, для П.М. Бицилли она европейская: «Потенциально русский народ принадлежал всегда к европейскому культурному кругу, будучи связан с ним единством веры, основой и источником культуры»¹³. В отличие от остальных евразийцев первого периода, Н.С. Трубецкой не следует изоляционизму русской от европейской культуры и в этом отношении он ближе к идее П.М. Бицилли: «Один лишь русский <...> получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец»¹⁴. Настоящий европеец для Н.С. Трубецкого и П.М. Бицилли — это русский человек, в этом отношении они являются приемниками Ф.М. Достоевского, для которого настоящим «всечеловек», или русский, это «всеевропеец»¹⁵.

Четвертая общая черта — это *отношение к русскому культурному религиозному возрождению* — в этом отношении П.М. Бицилли и евразийцы являются приемниками В.С. Соловьева. П.М. Бицилли согласен с призывами евразийцев к русскому культурному религиозному возрождению, так как он сам считает, что корни любой культуры можно найти в религии. Однако возрождение евразийства равно реставрации — считает П.М. Бицилли, отсюда и его ошибочное понимание евразийцев, для него они являются приемниками славянофильства, называя их: «прямые потомки ранних, а не поздних славянофилов»¹⁶. Этатизм и мессианизм — одни из основных пунктов евразийской идеократии, они чужды славянофилам 40-х годов.

Однако отношение к религиозному возрождению не объединяет взгляды евразийцев и взгляды П.М. Бицилли по *отношению к православию*, где они расходятся. П.М. Бицилли упрекает евразийцев за несовместимость православия с неправославной частью Евразии. «Евразия» и «Православие» — это противоречущие между собой понятия, так как православие выходит вне границ Евразии. П.М. Бицилли напоминает евразийцам, что кроме русских, православными являются и болгары, греки и румыны. Историк отбрасывает возможность сочетать оба идеала евразийцев — «Православная Русь» и «Евразийская империя»¹⁷.

Пятая общая черта — это *веховское отрицание интеллигенции*. Однако если для евразийцев интеллигенция является символом европеизации России

П.П. Сувчинский обвиняет интеллигенцию в «послушничестве» и в «самопредавательстве»¹⁸), то для П.М. Бицилли интеллигенция это часть распада русской нации в XIX веке на «государства» и «общества»: «В России «государство» и «нация» («общество») были разобщены не только с социологической точки зрения <...> но даже и пространственно, подобно средневековым «чинам» и «телам»: «нация» («общество») пребывала преимущественно в Москве, «государство» — в Петербурге. Принципом индивидуализации русского культурного развития была наличие совершенно особой социологической категории: интеллигенции. <...> в полной мере начало «интеллигенции» раскрыло себя только в России. «Интеллигенция» — это «общество» в «чистом» виде». П.М. Бицилли видит вину интеллигенции в том, что она оторвана не только от народа и власти, «но и от духовных вождей русской нации, которые, тем самым, оказывались вождями без войска»¹⁹.

Отсюда основное отличие между П.М. Бицилли и евразийцами — это *отношение к этатизму*. П.М. Бицилли отрицает этатизм во всех его проявлениях — евразийском, большевистском, в этом отношении он проявляет себя либералом. В отличие от него евразийцы сакрализируют государство. Большевистский этатизм напоминает П.М. Бицилли строение орды, идеализируемой евразийцами: «Большевицкий этатизм, распухание государства за счет «народа», многим очень нравится <...> Наши новые националисты не видят, что распухая за счет народа, Государство тем самым убивает нацию, ибо нация не есть какая-то готовая вещь, сумма традиций, бытовых навыков и тому подобного, а процесс, и только в самодеятельности, в постоянном самоопределении, в «ежедневно повторяющемся плебисците», как гениально выразился Ренан, она реализуется»²⁰. В этом отношении П.М. Бицилли ближе к Н.А. Бердяеву, для которого человек стоит выше государства.

Шестая общая черта П.М. Бицилли и евразийцев — это *положительное отношение к революции*. Одну из заслуг евразийцев П.М. Бицилли видит в том, что они «принадлежат к тем людям, которые мало того, что поняли, что «к прошлому возврата нет», но и прониклись убеждением, что русская революция есть не просто «сдвиг», «потрясение», «ликвидация» чего-то и т.под., но и жизненный процесс»²¹. Евразийцы воспринимают революцию как революцию сознания, так же как П.М. Бицилли видит в нее революцию культуры: «Революция нашего времени была иного рода: она была революцией не личностей и не общественных коллективов, а культурных сфер и присущих им «идей» и духовных свойств»²².

Однако, если для евразийцев Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского и П.Н. Савицкого истинна Октябрьская революция, то П.М. Бицилли положительно относится только к Февральской революции: «воссоздание русской нации мыслимо лишь путем продолжения дела Февральской революции. <...> это был общий порыв, в котором «нация» на миг реализовалась. Но — только на миг. <...> Цель, ради которой «нация» осуществилась, была чи-

сто отрицательной. Для замены оторвавшейся от народа власти властью общенациональной воли уже не хватило. Более того: явилась воля к тому, чтобы воспрепятствовать этому».

П.М. Бицилли сравнивает Февральскую революцию с Французской 1789 года — обе ставят одинаковые национальные задачи. Если во Франции «Революция, ставши затяжным общенациональным делом, содействовала процессу утончения горизонтальной переборки между «нацией» и «империей», в России Революция, взорвав переборку, взорвала вместе с ней и «нацию». Во Франции «империя» переродилась в «нацию». В России — «нация» исчезла! Осталась одна лишь «империя»²³. Евразийцы отрицают Французскую революцию как пример европейского опыта, которого нельзя навязывать России.

Евразийское у П.М. Бицилли — это символ новой эпохи — это революция. Революция эпохи романтизма — социальная, политическая, национальная, тогда как новая, постмодерная революция, по его мнению, должна быть «революцией не личностей и не общественных коллективов, а культурных сфер и присущих им «идей» и духовных свойств»²⁴.

Носители революции — большевики, тоже вызывают разногласия как среди самих евразийцев, так и между ними и П.М. Бицилли. Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и П.М. Бицилли дают целиком негативные оценки большевизму, тогда как П.П. Сувчинский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и П.Н. Савицкий принимают русский характер большевизма, противопоставляя его европейскому коммунизму.

Сопоставляя философию П.М. Бицилли и ранних евразийцев, мы распознаем как их общие черты:

- эсхатологические предчувствия русского идеализма начала XX века;
  - принятие термина «Евразия» в качестве выразителя России;
  - определение русской нации как евразийская и российская (имперская и сверхнациональная), а не как великорусская нация;
  - определение русского культурного возрождения как религиозного возрождения;
  - веховское отрицание интеллигенции;
  - положительное отношение к революции;
- так и их отличия:
- понимание этатизма и сакрализации государства;
  - отношение к православию.

Трудно воспринимать и категоризировать П.М. Бицилли как представителя определенного эмигрантского направления. Разнообразие его идейных и академических исканий в сфере гуманитаристики, начиная с истории, через философию, культурологию и филологию, создают образ типичного русского интеллигента-энциклопедиста конца XIX века, с тревожным духом,

ревностного хранителя русскости. Однако общих черт между П.М. Бицилли и ранним евразийством, хотя и с внутренними несоответствиями, на наш взгляд, значительно больше, чем отличий, что дает нам основание определить его «полуевразийцем».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры. М., 2000, с. 363, 371.
- ² Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 312.
- ³ Велева, М. Българската съдба на проф. П. М. Бицили. С., 2004.
- ⁴ Ларюель, М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2003, с. 32.
- ⁵ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М., 2004, с. 12, 21.
- ⁶ Савицкий, П.Н. В борьбе за евразийство. Париж, 1931, с. 22.
- ⁷ Бицилли, П.М. Народное и человеческое. // Современные записки, 1925, № 25, с. 486.
- ⁸ Бицилли, П.М. Два лика евразийства. // Современные записки, 1927, № 31, с. 421.
- ⁹ Бицилли, П.М. Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. 1927. // Современные записки, 1927, № 33, с. 522.
- ¹⁰ Бицилли, П.М. Два лика евразийства..., с. 423.
- ¹¹ Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого..., с. 315.
- ¹² Савицкий, П.Н. В борьбе за евразийство... Он же. Идеи и пути евразийской литературы. // Русский узел евразийства. М., 1997, с. 375.
- ¹³ Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры..., с. 362.
- ¹⁴ Письма и заметки Н.С. Трубецкого..., с. V.
- ¹⁵ Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. Т. 26. Л., 1984, с. 147.
- ¹⁶ Бицилли, П. М. Народное и человеческое..., с. 493.
- ¹⁷ Бицилли, П. М. Два лика евразийства..., с. 425.
- ¹⁸ Сувчинский, П. П. Сила слабых. // Исход к Востоку. М., 1997, с. 61.
- ¹⁹ Бицилли, П. М. Нация и государство. // Современные записки, 1929, № 38, с. 384, 394.
- ²⁰ Бицилли, П. М. Наследие империи. // Современные записки, 1927, № 32, с. 320.
- ²¹ Бицилли, П. М. Народное и человеческое..., с. 484.
- ²² Бицилли, П. М. Формула нашего времени. // Современные записки, 1935, № 59, с. 392.
- ²³ Бицилли, П. М. Наследие империи..., 318–319.
- ²⁴ Бицилли, П. М. Формула нашего времени..., там же.